
С лёгкой руки Роберта Белова Астафьев особо привечал из московских поэтов Марка Соболя. Тот поведал о лучшем, по мнению Константина Симонова, стихотворении о войне, и, помнится, Виктор Петрович с этим согласился. Он, как известно, страстно любил поэзию и вместе с Романом Солнцевым составил антологию стихов провинциальных поэтов. Особенность его поэтического вкуса состояла в том, что он признавал стихи, прозрачные до камушка на дне: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке». Подтекст считал модернизмом или, хуже того, постмодернизмом.

Стихотворение в шесть строчек из дивизионной газеты Ленинградского фронта, подписанное без инициалов безвестным лейтенантом Аракчеевым, осталось только в памяти тех, кто его тогда услышал:

*Болото помню, где мы спали стоя,
Где от застоя дохли комары.*

*Здесь не хотели даже рваться мины,
А шли на дно, пуская пузыри.
И если б не было за ним Берлина,
Мы б никогда сюда не забрели.*

— Вот как писать надо! Нам мешает провинциальность мысли. Мы все повторяем друг друга. Борис Ручьёв в своём Магнитогорске никого не повторяет! А в Перми нет крупных писателей. Нет!

Замечу, что уже взошла звезда Алексея Решетова.

— ...Пермское отделение растёт вишрь, а не вглубь. Сергей Антонов сказал: «Если бы тексты пермяков были на уровне картинок, цены бы им не было». Пьют, курят, не надсаживают себя работой. «По земле ходить непросто», «Счастье рядом» — все эти книги о счастье — пустотелые. Хорошую книгу невозможно зажать. Пример тому — повесть «Привычное дело» в журнале «Север». Автор — Василий Белов из вологодской деревни Тимониха.

Сейчас ведь во многих местах писательские секретари из обкомов не вылазят. Там целыми отделами рукописи читают. Слава богу, мы от такой опеки избавлены, у нас Европа. Мы обратились в обком по поводу отношений с издательством, дав ему срок. Нас под-

держали. Почти всем дали квартиры. Хотя писать книги со счастьем на обложке — плёвое дело, а издавать — еще плёвее. Нужна работа и работа, чтобы хоть приблизиться к лучшим вещам.

АСТАФЬЕВ НЕ ВЕРИЛ
ВЛАСТЯМ, НЕ ВЕРИЛ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
НЕ ВЕРИЛ ГЕНЕРАЛАМ,
НЕ ВЕРИЛ ТЕМ,
КТО ВРЁТ ПРО ВОЙНУ,
КТО ГЕРОИЗИРУЕТ
«МЯСОРУБКУ» В КНИГАХ,
КИНОКАРТИНАХ,
СПЕКТАКЛЯХ.
ОН НЕ ВЕРИЛ
ЛЖЕПАТРИОТАМ

Маршал Конев недоволен такими книгами, как «Убиты под Москвой» Воробьёва, «Мёртвым не больно» Бакланова. «Как же так, — говорит Конев, — я провёл великолепную Кировоградскую операцию в январе 1944 года, а вы печатаете «Мёртвым не больно». Там есть правда, но это правда окопная». А я говорю, что правда бывает только одна — окопная, а не генеральская и не лейтенантская.

*А всего много пуце —
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуце,
Как бы ни была горька.*

(Я пишу по своим дневниковым записям от марта 1967 года. Астафьев взял кусок речи из выступления Старикова, московского писательского начальника, на выездном заседании секретариата Союза писателей в Перми. Да, и такое бывало в те годы! А Стариков ошибся: книга «Мёртвым не больно», изруганная вдрызг Коневым, написана Быковым, а не Баклановым, написавшим повесть с похожим названием — «Мёртвые срама не имут».)

— Оно, конечно, тоска по спокойной жизни естественна для человека, — продолжал Астафьев. — «Вы, русские, любите у себя дома бить посуду и рвать на груди рубаху, — сказал мне один югославский писатель, забыл фамилию. — Со стороны это смешно, но мне нравится. А на Западе каждый копается в своей норке».

Астафьев говорил, как его принимали «братушки» в Сербии — земли под ногами не чувствовал, таксисты возили бесплатно.

— Сидел я рядом со старым партизаном — чётниками их зовут. И вот что он рассказал: «Виктор, меня пытали фашисты. Когда боль становилась нестерпимой, я шептал: «Отговорила роща золотая/ Берёзовым зелёным, берёзовым зелёным...» И терял сознание. Окатили ведром воды, я шепчу: «Берёзовым зелёным языком,/ И журавли... и журавли, печально пролетая, печально пролетая...» У нас, сербов, нет таких поэтов, как ваш Сергей Есенин. Я не выдал никого, я не выдал никого. «Стою один среди долины ровной,/ А журавлей уносит ветер вдаль... уносит ветер вдаль...» Вот что такое настоящая поэзия!»

Однажды Алексей Домнин сказал мне:

— Вите понравилось твоё стихотворение.

*Вхожу в село, ищу себе ночлег,
Его в селе найти нетрудно вроде,
Все избы одинаковы, у всех
Шатром стропила, баня в огороде...*

До сих пор эта похвала меня греет. И вдруг! Партийная газета «Звезда» печатает большую статью Астафьева «Под одной крышей» о сборнике «22 поэта», где многим досталось — и мне тоже: «У Семёна Ваксмана в стихах — и «Мелодия Гершвина», и «Издательство «Артия», и «Хромой Магеллан» со шхуной своей «Тринидад», и «Улисс и Итака», и «С перстами пурпурными Эос». Как у дядюшки Якова — товара всякого, вот только поэзии кот наплакал». Правда, компания у меня была хорошая: «Два стихотворения Алексея Решетова — «Пора замаливать стихи»